

Владимир ВЕЩУНОВ

г. Нижний Новгород

До приёма в пионеры его и не замечали. Да и принимать не думали. Серый мышонок. Себе на уме. В мероприятиях и в жизни школы не участвовал. По школам объявили месячник по сбору металлолома. Школота рыщет в поисках железа, хочет отличиться, выбиться в ударники, помочь родной металлургии. А этот ханурик книжки почитывает, даже взрослые, толстые, не по программе. И всё-таки приняли. А как же, книгочей, начитанный! Ряды пионерии не должны таких сторониться, а вовлекать в свои планы!

После вступления Созю точно подменили. Куда делась «книжная» сутулость? Взорлился! Александр Созинов! Прямая пионерская чёлка, честный взгляд, блестящий шёлковый кушак галстука. «Как повяжешь галстук, береги его, он ведь с красным знаменем цвета одного». Как повяжешь... Закавыка! Новоявленная пионерия маялась с завязыванием. Многие не могли заплетать правильный галстучный узел. Неумёхам помогал Созинов. Саша-пионер — всем ребятам пример! В звеньевые выбрали!

Детвора любила всенародные выборы. Избирательный участок устраивался в школе. В спортивном зале устраивали всё для голосования: кабинки, урны, знамёна. На посту для отдания чести стояли пионеры. Учителя сидели за «алфавитными» столами со списками избирателей. Работал буфет. В актовом зале показывали «Новости дня», мультфильмы, сменялись концертные бригады. Из уличного репродуктора неслись бравые марши, духоводъёмные песни: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!», «Жила бы страна родная, и нету других забот!...»

В этот раз волеизъявление предвиделось чрезвычайно массовым. Дополнительный избирательный участок оборудовали в пожарной части. Здесь не было ни буфета, ни мультфильмов. Только горланил на весь квартал динамик одну и ту же музыку. На этот участок отрядили звено Созинова.

В самую рань пришаркала первая избира-

СКАЗАНИЕ О КУДЕЯРЕ

рассказ

тельница, бессонная старушка. Первым всеобщее внимание и почёт! Даже сфоткают и в газете напечатают.

Пост № 1 с волнением ждал её, первооткрывательницу народного голосования. Дрожащей рукой она засунула бюллетень в щель урны. Пунцовый, торжественный Созинов вознёс руку в честь проголосовавшей. Повалило раннее старичье. Он отдавал честь, приглаживал чёлку, поправлял пионерский значок, сбившийся галстук. И вновь салютовал. В красном уголке пожарных становилось душновато. За час Саша изрядно намахался. Вспотел, подустал. С опозданием на полчаса прибежал сменщик Вовка Ковалёв. Запыхавшийся, затараторил:

— Санёк, не в службу, а в дружбу. У меня шахматный турнир, разряд могу получить! Постой за меня!

Созинов мрачно кивнул. Рыжий вредина умотал. Его сменщица Ирка Козлова тоже заканючила, что у неё велогонка.

— Да снег ещё!.. — удивился Созинов.

— Да ну тебя! — отмахнулась Ирка и усвистала. Коза!

Пионеры!.. Созинов обессиленно опустился на корточки. Над ним гаркнул пожарный начальник, секретарь избиркома:

— Что за безобразие?!.. Пост номер один — и такое разгильдяйство!

Саша вскочил, вытянулся в струнку и отдал честь:

— Всегда готов!

— То-то же! Молодца! — похвалил начальник. — Так держать!

У Саши подкосились ноги, потемнело в глазах...

Потыкали в нос нашатырь, сунули в рот валидол, отпоили водой, подсластили «Дюшесом». Оклемался обморочный. Отпустили домой. Срочно вызвали пионервожатую. Заступила вместо Созинова. В полупрозрачной блузке с люрексом; шёлковый красный галстук, возлежащий на пышной груди. Любо-дорого посмотреть! Особенно при взмахе рукой, при салюте!..

Слухи о случившемся на избирательном участке поползли было по городу. Но газета «Стахановец» пресекла досужие поползновения. Поместила фотографию пионера-ленинца Са-

ши Созинова, салютующего почтенной избирательнице, ветерану войны и труда Вере Григорьевне Климовой. Попутно газета сообщила о стопроцентной явке. Народ и партия — едины!

Завистников у прославленного «часового» прибавилось: размазня, не выдержал испытания, пятно на всю школу! Он и сам себя корил: вот Володя Дубинин бы выдержал! И Валя Котик, и Зина Портнова. И другие пионеры-герои! А он — слабак! Попросил, чтобы исключили из звеньевых. Исключили. Но в пионерах оставили.

Саша ещё переживал «избирательную» эпопею, как подкралась другая. Стали пропадать тетрадки, учебники, пропал дневник. Созинов числился в хорошистах и не шибко жалел о тетрадях и дневнике. А вот учебники достались с трудом. В книжном магазине их расхватывали блатники. В середине августа на склад книготоргового объединения госиздательств поступила большая партия учебников. Когиз находился на окраине города. Ответственная школьня с утра пораньше поспешила занять очередь. Головокружительно пахнущие свежей типографской краской новенькие учебники Сашка листал-перелистывал, особенно «Родную речь». Повезло, отхватил последний экземпляр. А вот «Живой природы» не досталось. Выручил Колян, перешедший в пятый. Его младшему братишке отдал «Неживую природу» для третьего класса, в хорошей сохранности. На обложке камни как живые. Но почему-то учебник — «Неживая природа»? А вот свой учебник Колька поистрепал, заляпал чернилами, разрисовал похабно. На бесполом скелете изобразил детородный орган. А у многих и такой «Живой природы» не было. И кто-то «увёл». Не соседка же по парте Читеева? Сидеть рядом — и воровать?.. И всё же спросил:

— Ты ничего у меня не брала?

Та возмущённо округлила глаза и выдала себя:

— Я... не я!..

Он не мог поверить, глядя ей прямо в глаза, проговорил:

— Ты... не ты.

Глазки у неё забежали, она заозиралась, как бы ища подмогу. И «помощь» подоспела. Сзади на четвёртой парте сидели Козлова и Ковалёв. Ира вскочила:

— Чита — воровка!

Вскочил и Володя:

— А ты, Созя, лопух! Она у тебя тырит и тырит! Чита, встряхивай из портфеля краденое!

Та набычилась и прижала портфель к себе. Класс загалдел:

— Чита — воровка!..

Прозвенел звонок на урок. Вошла учительница:

— Здравствуйте! Садитесь!

А Чита стояла, не выпуская портфель из рук.

— Что случилось? — спросила учительница.

— Вон она... — недоговорил Созинов и кивнул на соседку.

— Глафира Михайловна, а Читеева — воровка! — разом выкрикнули Козлова и Ковалёв.

Набожная бабка, заглянув в церковные святыцы, назвала внучку в честь христианской великомученицы IV века Глафиры. В детстве девочку звали по-разному: Глаша, Глания, Граня, Фира. Имя своё ей не нравилось; мнилось, что и школьникам тоже. Забыла бабушкину мудрость: человек красен не именем, а делом. И впрямь, местный забивной футболист Вшивцев — любимец города! Однако изменила «неблагозвучную» Глафиру в «утончённую» Глафирию. Такую тонкость грубая школотка не понимает.

— Глафирия Михайловна! — поднялся Ковалёв. — Мы сами видели, как Чита... Читеева воровала у Созинова.

— Вон как!.. — вскинула общипанные до «ниточек» бровки учительница.

Бледное, сухое лицо её расплылось в улыбке: довольная, потёрла ладони в предвкушении расследования: — Разберёмся!.. — воздела палец вверх: — Презумпция невиновности! — выразилась на непонятном юридическом языке и, не разобравшись, укорила Созинова: — Опять наш герой!.. — Будто он был виноват.

Засидевшаяся в девках старлетка, худосочная, тяготилась своей работой. Большинство учеников, по её мнению, были тупицами. И вот серая жизнёнка украсилась настоящим расследованием!

— Разберёмся! — по-судейски повторила она.

Класс одобрительно загудел. Вместо ариши Глафира учинила разборку. Села за учительский стол:

— Созинов, Читеева, ко мне с портфелями!

Те подошли. Из тощего созиновского портфеля Глафира встряхнула скудное содержимое, из пухлого читеевского вывалила целую кучу. Из неё взяла «Родную речь», подняла, показывая классу:

— Перед вами новенький учебник. Сейчас мы определим, кому он принадлежит. Я вас учила писать свои фамилии на титульном листе.

Открыла учебник — титульный лист был вырван.

— Галя, ты вырвала?

Чита замотала головой:

— Его не было!

— Чей учебник?

— Созинов дал.

— Врёт она! — насупился Саша. — Не давал я.

Я за «Родной речью» очередь в когизе выстоял. А она... Вы что, не видите?..

— Ты мне ещё указывать будешь! — начала злиться Глафира. — И это твой? — она взяла «Живую природу». — Потрёпанный, заляпанный! Как не стыдно?

— В когизе не было. Мне Коля Левченко из пятого дал.

— А как докажешь?

— Колька скелет дорисовал.

Учителька открыла страницу с «живописным» скелетом, скривилась:

— Фи! Безобразие! Та-ак, учебники, значит, твои, Созинов. А теперь разберёмся с тетрадями. Вот видишь: «Тетрадь по грамматике ученицы 4 б класса Читеевой Галины». Все видите, ребята?

— Она обложку сменила! — выкрикнул Слава Лапенко.

Чита погрозила разоблачителю кулаком.

— Ещё и грозитя, воровка! — захохотал на задней парте второгодник-«камчадал» Скалкин.

— Вот наглая! — поддержали Скалу многие.

— Тихо! — прикрикнула на расшумевшийся класс Глафира. — Проведём анализ почерковедения. Оба к доске!

Меловой линией разделила доску и начала диктовать вчерашнее изложение:

— «Утром мы пошли в весенний лес. Снег на поляне уже растаял. Мы нашли подснежники. Принесли цветы в класс. Поместили в вазу с

водой. Скоро Восьмое марта: хороший подарок нашей дорогой учительнице!»

Тонкий намёк на толстые обстоятельства. Конечно, никто ни в какой лес не пойдёт. Но девочки догадываются, сходят на базар и купят тюльпаны и гвоздики. В прошлый Международный женский день тоже были цветы и подарки. Галочка отличилась, любимые духи «Кармен» преподнесла. И как угадала утончённый вкус?.. А Созинов книгой отделался, «Педагогической поэмой». Макаренкой вздумал учить, умник! Даже Скалкин подарил пудру. Девочки обожают свою Глафирию Михайловну, но напомнить надо! Она улыбнулась от такого тонкого воспитательного хода и намёка. И пустила «почерковедческую» тетрадь по рядам. Класс заволновался, сличая почерки. Испытуемые стояли у своих «изложений»: Созинов, уверенный в своей правоте; Чита с кислой миной. Глафира же цвела и пахла. Вынула из ящика стола пакетик с зёрнышками сен-сена. Забросила сен-сен в рот, пожевала. Приторно-сладкие выхлопы ударили по партам. Жуя корейский освежитель рта, отключилась, опершись на подоконник, глядя в окно. Какая удачная педагогическая находка: весь класс вовлечён в поиск справедливости! Подошла к доске:

— Галя, у тебя в тетрадке ни одной ошибки. А здесь целых четыре: весений, рас таял, под снежники, клас. Переволновалась?..

— У неё почерк совсем другой. Все скажут! — возразил Ковалёв.

— Да! Да!.. — подтвердил класс.

— Хорошо, вот мы все дружно достигли истинного положения.

— Целый час достигали, — проворчал ершистый Лапа. — Сразу было видно кто есть кто.

— Созинов никогда не врёт! — разом проговорили Козлова и Ковалёв.

— Хорошо! — умиротворяюще проворковала Глафира. — Надеюсь, Галя, это не повторится. Ты справишься и будешь примерной пионеркой! У тебя такая хорошая «читающая» фамилия!

Чита, охорашиваясь, поправила раскосмаченные волосы, одёрнула фартук, повела с гордецей плечиком: точно её оправдали, будто она ни в чём не виновата.

Недоумевая, не понимая произошедшее, Саша раскрошил в кулаке мел. Вышел из класса.

Саша отцу ничего не сказал, но слух о судилище дошёл до него. Потомственный металлург, член родительского комитета школы не стал поднимать бучу. Попросил директора перевести сына в параллельный класс. Он лично знал классную руководительницу 4«А» Марию Ивановну. Плечом к плечу стояли они при награждении в Кремлёвском зале. Сам Никита Сергеевич вручал награды. Заслуженному металлургу Созинову — орден Ленина. Заслуженной учительнице Ермаковой — орден Трудового Красного Знамени. Таким ранжиrom он не был доволен. Мария Ивановна растит кадры для будущих поколений и вносит гораздо более весомый вклад в развитие страны. Он готов был поменяться наградами. Но высказать своё мнение вождю не посмел.

В новом классе Саша прижился быстро. У бабы Маши не было любимчиков, все — любимые. У некоторых были неладные семьи, пьющие, и детки маялись. Вязались за своей бабой Машей как цыплятки.

В конце учебного года выпускников 4«А» баба Маша осчастливила. В этот классный час Мария Ивановна выглядела молодожаво: белая кофточка, синяя юбка, на груди яркий орден.

— День прошёл, чему вы научились? — каждый раз спрашивала я в конце последнего урока. И вы задумывались. Ваша память восстанавливала даже трудно усваиваемое. И вы двигались вперёд. Троечники в хорошисты, ударники в отличники. И вот теперь я спрашиваю: прошло четыре года, чему вы научились? И вижу по вашим глазам: многому, доброму и полезному! И ваша баба Маша говорит вам спасибо за то, что слушали меня, внимали моим советам, за понимание и отзывчивость. Мне было легко с вами, по-весеннему радостно. Спасибо, мои родные!

По-матерински добрые глаза старой учительницы увлажнились. Девочки чуть не прослезились.

— Это вам спасибо, Марь Иванна! — кинулся к ней Даня Данилов и обнял её.

Даун с лупато-раскосыми глазами, с очаровательной детской улыбкой, голубиная душа, был любимцем класса. Учительница ласково отстранила его, вынула из ящика стола шкатулку.

— Вот здесь все мои любимые ученики. Даня, открой шкатулку, посмотри!

В ней лежало зеркало. Увидев себя, любимого ученика, Даня снова принялся обнимать учительницу. Ученики сгрудились около шкатулки. Все, все любимые для родной бабы Маши, для любимой Марь Ивановны! И Саша Созинов тоже.

В районе открыли новую школу. На холме высилась бело-голубая красавица. Храм просвещения! Из соседних переполненных школ учащиеся заполнили новую. «Новосёлы» робко обживали свой второй дом. Вдыхали малярные запахи покраски, побелки; плотнические — дресвы. Восхищались простором и чистотой, светлыми классами с цветами на подоконниках и в кашпо. Не парты грубые, деревянные, доисторические, а современные столы и стулья. Оборудованные кабинеты физики, химии, биологии, русского языка и литературы с портретами выдающихся учёных и писателей. Слесарная и столярная учебные мастерские с верстаками, токарными и сверлильными станками. Умелые руки записались к столяру-трудовику в «деревянную секцию». Учебка для рукодельниц со швейными машинками. Сердца всех мальчишек взорлили в необъятном спортивном зале с высокими окнами на четвёртом этаже.

Директриса, строгая и справедливая, следила за чистотой и порядком. При её появлении ерлаш и беготня в коридорах затихали. После уроков дежурные в классах и кабинетах протирали столы и стулья, перевёрнутые стулья водружали на столы. Мыли полы, опрыскивали и поливали цветы. Закончив уборку, с удовлетворением взирали на свою работу, звали проверяющих, и те ставили оценки. Раздевалка называлась гардеробной, в неё тоже назначались дежурные от каждого класса. Они принимали и выдавали одежду и строго следили за наличием второй обуви. Школьники несли портфели и матерчатые мешочки с тапочками. Особо свирепствовали гардеробщики в непогоду. Чуть брызнул дождик, а второй обуви нет, отправляли за ней. Досталось и пятикласснику Созинову. Выдалось погожее утро, пренебрёг требованием гигиены и стерильности. Явился в школу без второй обуви, а уже накрапывал дождик. Не пустили. В кои веки опоздал на урок.

Ревностная блюстительница борьбы с антисанитарией директорша, строгая и справедливая, зачастую сама торчала в дверях школы. С нескрываемым удовольствием отправляла нерадивцев и грязнуль домой за второй обувью. Множилось число опаздывающих на уроки и прогульщиков. Первыши забывали мешочки или заявлялись с пустыми. Плакали, девочки навзрыд. Сачки вообще отлынивали от уроков, ссылаясь на забывчивость по обувной части. Школьная врачиха выпускала разоблачительные листки. Красная жирная зигзагообразная стрела — а под ней список злостных нарушителей. Угодившие в «Молнию» чувствовали себя героями. Как же, их отметили на всю школу!

Строгая и справедливая придумала удачный воспитательно-педагогический ход. Ослушники, сопя, кряхтя, развязывали шнурки на запачканных ботинках, и она с торжествующим видом вручала им больничные бахилы! Бедолаги, как арестанты, шаркали по школе. Уныние и смех сопровождали бахильщиков. Как говорится, и смех и грех! Директорская методика оказалась успешной. Желающих попасть в бахилы становилось всё меньше.

Созинов преуспел в смекалке. Чтобы не позориться в бахилах, с обувным мешочком, складывал его в портфель и надевал калоши. Под надзирательным оком строгой и справедливой упаковывал их в мешочек. Не надо было расшнуровывать ботинки, снимать их. У находчивого Сози появились последователи. В ясную погоду тёпали в калошах «человечки в футлярах», не хватало только зонтиков.

Морока с бахилами, калошами, собственное чистоплюйство прискучили директрисе, и она позволила в сухую погоду не носить вторую обувь, лишь бы была в опрятном состоянии.

Учителям вменялось следить за внешним видом учеников: у девочек наглаженные фартуки, у мальчиков на брюках стрелки. Неряшливых, в мятых штанах с пузырями на коленках аккуратисты выставляли на позор в коридоре. Для мальчиков ввели форму, похожую на гимназическую царских времён. Фуражка с кокардой, гимнастёрка, ремень с бляхой. У тех, кто с достатком, голубоватый мундир из тонкого сукна. Форменки победнее — серые, из рыхловатой

фланельки. Странно смотрелись пионерские галстуки на гимназических мундирах.

Зима склонила даже самых неусидчивых к усердию в учёбе и труде. В старой школе Глафирия занимала мальчишек на трудах вышиванием. Мулине, крестик простой и болгарский по канве, вышивка гладью. В новой школе на трудах слесари и столяры облачались в рабочие халаты. Зажимали в тиски втулки, орудовали напильниками: плоскими, круглыми, трёхгранными. Кернили, сверлили, нарезали метчиками, лерками, плашками резьбу на болты, гайки, измеряли кронциркулем, штангенциркулем. С шорохом скользили по доскам рубанки, фуганки. Курчавилась ароматная стружка! Зудели по-пчелиному ножовки, двуручные пилы, визжала циркулярка... И вот первая скалка выточилась на токарном станке! Размахивая ею, носится по школе ударник столярного труда Александр Созинов. Даже строгая и справедливая похвалила за соблюдение техники безопасности. Пришла проверить работу столярного кружка, а кружковец в спецочках, в берете, фартуке точит изделие! После уроков и кружков мальчишки чистили напильники металлической щёткой, вытряхивали из рубанков стружку. Раскладывали инструменты по полкам, щётками из конского волоса «подметали» верстаки. Приводили рабочие места в порядок. Приятно постанывали натруженные руки в ссадинах и царапинах. Трудяги! Рабочий класс!

Изделия школьных мастеров красовались на выставке детского творчества. Кухонная утварь: разделочные доски, скалки, толкушки, лопатки, украшенные узорным выжиганием. Шкатулки, ларцы, полки, табуретки, детские стульчики...

После «деревянной секции» Саша успевал побить мячом и в баскетбольной. Допоздна гулко стучал баскет на четвёртом этаже школы.

«Люди-дети шалят в своих чувствах весною», — сказал поэт. А детки 5«Б» расшалились вовсю. Шаловливые ручки мальчишек то и дело дёргали девочек за косички. Те лупасили озорников учебниками. Таким манером выражались симпатии к друг дружке. Театральные сцены между симпатиями вспыхивали во время урока какой-нибудь молоденькой практикант-

ки из пединститута. Оскорблённая в своих преподавательских чувствах, та бежала за директором. Являлась сама! Гроза! Боязливо сжимались в комочки виновники, втягивали головы в плечи. С девизом времён народного голосования в пожарке: «Сам погибай, а товарища выручай!» штыком вставал спаситель Созинов:

— Это я во всём виноват!

— Ты — в угол! За сорванный урок класс будет наказан, после уроков стоять продолжительностью сорок пять минут! А вы продолжайте! — бросила директриса практикантке и царственно удалилась.

Послеурочное мучительное стояние терпели по-разному. Девочки с примерным поведением роптали, хныкали: они-то ни в чём не виноваты! Шалуны дерзко, демонстративно «спали» за столами.

— Высоко сажу. Далеко гляжу! — влетала строгая и справедливая и накидывала за нарушение режима с десятков минут.

Угловой громоотвод Созинов в своём законном месте наказания стойко выдерживал сроки, сказывался приобретённый опыт на выборах. Однажды в конце стояния ропот усилился до недовольства директоршей и Созей: нечего корчить из себя героя; виновных бы наказали, а класс отпустили бы домой. Вдруг Даня Данилов подошёл к доске, взял мел и нарисовал аптечный символ: чашу и змею. Пояснил:

— Это директора кусает морозенку.

Грянул классный хор:

— Это директорша кушает мороженку!

И разразился хохот.

— Высоко сажу, далеко... — недоговорила вбежавшая директриса.

Едва сдерживаемый прыснул смешок. Она устала на доску.

— Это вы кусаете морозенку, — простодушно объяснил Даня.

Расвирепевшая героиня рисунка выволокла его автора из класса.

Намеревалась оформить дауна в психлечебницу. Но мать его занимала высокое должностное место в торговом ведомстве и слыла влиятельной особой. Даню отправили в старую школу.

Подвиг Данилова ещё более раскрепостил пятых бэков. Детские шалости с косичками ка-

нули в прошлое. Дерзновенные подкладывали кнопки не только обожаемым симпатиям, но и практиканткам. Те, вчерашние школьницы, с пониманием относились к таким проделкам и не бегали за директором. Их терпимость расстраивала «бэков». Они жаждали горяченького. Пускали самолётики с записками, которые плавно опускались на учительский стол: «Валентина Петровна, у вас сегодня модное платье!», «Тамара Сергеевна, у вас причёска, как у Мирей Матье!» Адресаты бережно складывали послания в портфели, принимая их за хорошее расположение к себе класса.

Появилась географичка-практикантка с пузцом. Губастая, конопатая, из-за беременности раздражительная, мырристая. Доводили её жестоко: нечего беременных присылать! Подкладывали на её сиденье пластырь, и она с заляпухой на платье расхаживала между рядами, объясняя долги и широты, под хихиканье класса. А раз вообще приклеили к стулу скотчем... Страшный суд и расправа грозили «бэкам»! Опять штыком встал Созинов:

— Это я виноват!

— Хватит паясничать, Созинов! — процедила сквозь зубы директриса.

— Он всегда правду говорит! — слышалось с мест.

— Какая же это правда? Встаёт и врёт!

— Он честный врун!

— Во как?!.. Вон из класса, честный врун! Завтра с родителями придёшь!

Он помнил позорное судилище Глафирии в четвёртом классе. Вставал и брал вину на себя, чтобы подобное не повторилось. И никаких расследований! Сам погибай, а товарищей выручай! Шалости, шкоды, проказы прекратились. Никакого интереса нет!

На «порку» Саша явился в школу с отцом. Глядя на орденосного родителя, директриса выдвинула странное обвинение:

— Покрывает Саша зачинщиков, всё берёт на себя! Честный чересчур, даже вызываясь! Он соучастник, а значит, и виновен! Взял вину на себя, а честнее было бы пресечь проказы товарищей.

— Честности много не бывает! — возразил Созинов-старший. — Разница между честным и нечестным в решимости. Решил быть честным

— будь им! Спасибо, что пригласили! Обязательно проведу воспитательную беседу!

— Ты всё понял, Саша? — миролюбиво спросила директриса.

Тот бодро кивнул.

— Ну иди, пожалуйста, на урок!

После этой разборки Александр старался не лгать, подтверждая классное: Созинов никогда не врёт! Но нанёс себе рану, которая будет саднить всю жизнь. Жили они с достатком, купили ему велосипед. Самозабвенно гонял на нём. Попросил дружок покататься. Отказал: сам не накатался! Жаба задавила. Проверка на вшивость... Потом уж весь двор катался на его велике. Но боль не отпускала. Поделится с отцом, какой он негодник. Вспомнил тот, как Сашенька, малыш, однажды покаянно уткнулся ему в колени:

— Папа, я плохо подумал.

О чём таком подумал сынок, отец не стал расспрашивать, отвлёк его внимание сказкой про белого бычка. Посмеялись оба. И теперь отец, утешая сына, поинтересовался, как дела в школе.

Ах, школа! Учёба, задания, требования, дисциплина... Кто с охотой посещал школу?..

Биология «бэкам» поглянулась сразу. Их классная руководительница Клавдия Петровна оказалась классной биологиней. Как радушная хозяйка, с загадочной улыбкой поставила перед учениками закрытые ванночки. С торжествующим видом взмахнула рукой и велела открыть их. Слабонервные «бабы» завизжали, «мужики» захохотали. В формальдегиде покоились «инопланетные» существа — лягушки!

— И где вы столько квакушек наловили, Клавдия Петровна? — съехидничал Давид Блюменталь-Тамарин, он же Блюша, он же Додик.

Учительница не обиделась:

— Министерство образования и просвещения предоставило эти учебные пособия для детального изучения земноводных.

Росчерками мела на доске она изобразила схематичное земноводное, пунктиром крестообразно указала разрезы, как надо препарировать. Мальчишки вооружились скальпелями и принялись препарировать. Осмелели и менее страшливые девчонки. К распятым вспоротым лягухам подходила биологиня и указывала, где

желудочек, сердечко, лёгкие... Отчаянная Женька Куликова настолько расхрабрилась, что излишне распотрошила своё учебное пособие. Внезапно лягушачья лапка задёргалась! Женька завершала. Вместе с учительницей к ней сбежался весь класс. А ножка всё дёргалась и дёргалась, приводя в ужас девчонок и даже мальчишек.

— Ох, вот это да! — изумилась и Клава. — Сколько жизненной силы у природы!

Ученики загалдели:

— Она же выпрыгнуть может!

— Возьмёт и убежит!..

Клавдия Петровна успокаивающе подняла руку и с пафосом объявила:

— Мы, ребята, с вами стали свидетелями редкого научного явления! У этой особы сохранилась мышечная энергия. Женя надрезала сухожилие, и лапка конвульсивно задёргалась.

— И правда, особа! — пришла в себя «биологиня» Куликова. — Прям царевна-лягушка, живучая какая, Василиса Прекрасная!

Городская ребятня, а вспомнила свои проделки на природе.

— Мы с пацанами у паука-сенокосца лапку выдернули, а она дёргается.

— А мы у саранчи отрывали, а она сокращается, как будто коса сено косит: коси, косиножка!

— А мы вообще лягушек через соломинку надували.

— Изверги! — возмутилась женская половина. — Лягушата такие миленькие!

— Вот бабё, то от ужаса орали, то целоваться готовы!

— А мы у ящерок хвосты отрывали. Оторвёшь, а он снова вырастает, как голова у Змея Горыныча.

— Жалко их! — пискнула цаца Жанночка.

— Жалко у пчёлки в жопке! — отрубил грубня Кузя.

— Фу-у!.. — скривились оранжерейные фиочки.

— Я в деревне у бабушки был, — невозмутимо продолжил Кузя, — петуху голову отрубил, а он без головы по двору бегал!

— Какой ужас! — разом ахнули девчонки.

— Вот видите, ребята, сколько загадок у природы! — возвела палец вверх Клава. — И мы их будем изучать!

Постигали тайны пернатых, их подражательные способности. Много смешного вспомнили про попугаев. Какаду Кеша обиделся, что его назвали попкой, замыкал и произнёс:

— Я не попка, а кот Вася!

Другой попугай тоже обиделся:

— Я не попка, а орёл!

Чтобы воры не залазили, некоторые хозяева на заборах пишут: «Во дворе злая собака!» Вместо такого обычного предупреждения один хозяин написал: «Во дворе злой попугай!» Открыл любопытный прохожий калитку, а попугай закричал:

— Джек, фас!

Посмеялись, Клавдия Петровна дополнила, что не только попугаи так могут, но и скворцы. Поселился весной скворушка в скворечнике и передразнивает домашнюю живность: лает, мяучит, мычит, хрюкает, блеет, крикает, квохчет, гогочет, по-хозяйски ругается на скотинку.

— Ишь, малюсенький такой, а соображает! — удивился Додик.

— Да-да! — воссияла биологиня. — Варакушки, иволги точь-в-точь копируют голоса своих лесных соседей.

Тётушка Клава вытянула шею, по-птичьи завертела головой, преобразилась в пернатую пересмешницу: с упоением тенькала, свистела, свистела, шёлкала соловьём. А когда закуковала, класс загибался от смеха. Блюша, корчась, сполз под стол. А тётушка Клава не замечала повального смеха и самозабвенно продолжала:

— Фыть-фыють!.. Цирлиу-цирлиу!.. Чьи вы? Чьи вы?..

Как могли не понравиться такие уроки!

На летние каникулы Клавдия Петровна объявила завести трудовые книжки. Каждый должен отработать на пришкольном участке двадцать часов. Сама она, садовница-огородница, с воодушевлением тяпала грядки, поливала; прививала фруктовые деревья, стараясь вывести новые сорта ранеток. В её трудах охотнее помогали девочки. Мальчишкам лето предназначалось не с тяпками и секаторами. Воля вольная: футбол, тарзанка на пруду... Спыхватывались, стараясь за неделю до начала учебного года отделаться от настырной Клавы. Иные, проведя всё лето в пионерлагерях и у бабушек, прино-

сили сказочно добытые медицинские справки о нетрудоспособности. Всё это было шито белыми нитками и вызывало презрение владельцев заполненных трудовых книжек.

Эти же «нетрудоспособные», с «горячим» желанием вступив в комсомол, увильнули от весеннего комсомольского воскресника. За неделю до Первомай звонким апрельским утром у горкома ВЛКСМ собрались энтузиасты. Первый секретарь с баяном на крыльце с задором заводил песню за песней: «Комсомолыцы-добровольцы, мы сильны своей верною дружкой!..», «У власти орлиной орлят миллионы, и нами гордится страна!..», «И вновь продолжается бой, и сердцу тревожно в груди!..»

Подъехала пара непомаженных «Икарусов». Комсомольский десант высадился у стройки будущего цементного завода. Предстояло освободить от мусора верхнюю площадку котлована. Разобрали орудия труда: носилки, лопаты, тачки, кайла, ломы. Страдающие боязнью высоты отшатнулись от котлованной бездны. «Кратер» в поперечнике с половину футбольного поля, а на дне мураши-строители. Дух захватывает!.. «Беговая» дорожка для носилок и тачек по самой кромке бездны, которая может поглотить любого нерасторопного. Комсомольский вожак-закопёрщик долбил ломом бетонные лепёхи, руками укладывал глыбы в тачки. На носилках таскали щебень, битый кирпич. Вручную волочили мотки проволоки, арматурины.

Обычно смешливый Додик в «буче боевой, кипучей» растерялся. Долговязый, нескладный, неуклюже топтался, не зная, куда приткнуться. Он приходился внучатым племянником знаменитой актрисе Блюменталь-Тамариной, но таким родством не кичился. За это Созинов его уважал. Позвал Давида к себе в напарники носильщиком. С битым кирпичом они сделали пару кругов по кромке котлована, выдохлись, присели передохнуть. Загнанные, взопревшие, посмотрели друг на друга и признались, что оба страшились оступиться и сверзнуться в котлован. Но выдержали!

— Я на тебя, Саша, смотрел и держался! — похлопал по плечу Созинова Блюменталь.

— А я на тебя. Ты же музыкант, пианист, а пальцы не поберёг... «И вновь продолжается

бой, и сердцу тревожно в груди!..» — пропел Созинов.

И они потащились с гружёными носилками по краю пропасти.

Директриса, новатор народного образования, придумала провести в начале учебного года в 7«Б» общее родительское собрание совместно с учениками. В президиуме за учительским столом едва уместились три дамы: строгая и справедливая, классная Клавдия Петровна и школьный врач с сообщением о профилактике дизентерии, гриппа и других осенних заболеваний. Отцов и детей рассадили порознь: ученики по трое за задними столами. Родители попарно впереди. Директриса встала, поправила шиньон и с пафосом заговорила:

— Товарищи, наш труд и учёба вносят вклад в укрепление мощи нашей Родины. Об этом надо помнить! Воодушевлённые успехами нашей страны, борются за свои права докеры Ливерпуля. Растёт национально-освободительное движение в Африке во главе с товарищем Патрисом Лумумбой. Крепнет коммунистическое движение во всём мире, особенно в Америке. Ярким примером крепнущего коммунистического сознания является Анджела Дэвис. Посещающая марксистский кружок, настольная книга её — «Манифест Коммунистической партии». Возглавила международное движение против расовой дискриминации, за права угнетённых. Трудящиеся и трудовые коллективы нашей страны горячо поддерживают деятельность товарища Анджелы Дэвис. И мы присоединяемся к этому движению!.. Рада сообщить, хотя и задним числом, что наша школа награждена Почётной грамотой горкома ВЛКСМ за ударный труд на комсомольском воскреснике на ударной стройке цемзавода! — и она с торжествующим видом показала грамоту собранию.

Сидевший с отсутствующим видом по уважительной причине, похмельный папаша Жени Куликовой очнулся:

— Моя Женька до сих пор трясётся от страха. Никакой техники безопасности! Даже леерные ограждения не поставили на краю котлована. Скажи, Жень!

Та захлопала носом, вновь переживая страхи четырёхмесячной давности. Директриса нерв-

но захрустела, защёлкала суставами пальцев. Обличитель смягчился:

— Оно, конечно, дело понятное: комсомольсы-добровольцы, энтузиасты, ответственные. Похвально!

На выручку директору подоспела биологиня, потрясла в воздухе кипой трудовых книжек:

— Вот здесь трудодни, заработанные на пришкольном участке! А иные филонили, не доработали, — она показала пачечку с филонами. — А другие вообще уклонились выполнять долг перед школой. Белоручки! Не буду пальцем указывать. У них, конечно, есть совесть, не сомневаюсь, но они её с собой не носят, боясь потерять. А есть достойные ребята, они трудились с честью, у них весомые трудодни с перевыполнением почасового плана. Это Куликова Женья, Тамарин Давид (она предпочитала вторую фамилию), Созинов Саша.

Куликов довольно хмыкнул. Отец Додика похлопал в ладоши. Чета Созиновых с удивлением посмотрела на сына и слепилась плечиками, словно перед фотканьем. Александр ни с того ни с сего встал как штык:

— Я давно хотел спросить взрослых: почему продают водку? От неё столько неприятностей и даже бедствий!

Вопрос ошеломил. Присутствующие замерли и взбудораженно зашумели.

— Опять за рыбу деньги! — возмутился Куликов. — Сколько раз говорено: без водки государственная казна недополучит!

— Да-да!.. — поддакнул Блюменталь-отец. — Политэкономия надо знать, молодой человек!

— Рано ему ещё! — возразил Созинов-старший. — Её в институтах изучают.

Прокатилась разноголосица:

— Молодой, да ранний!

— А он всегда впереди паровоза бежит, этот Созинов!

— Экономист выискался!

— А ведь он прав! Бюджет эффективно можно пополнять за счёт расширения производства, увеличить выпуск тех же легковушек! А то очереди за ними годами!

— И на квартиры многодетные семьи годами стоят!

— Сложный разговор затеяли.

— Не говори, кума, одно расстройство, а на

самом деле всё очень просто! Водка — враг! Её уничтожают и бюджет весомо пополняют! — не унимался Куликов.

— Водка — враг! Вылить её в овраг! — отчеканил комсомолец Созинов.

— Природу заражать?! — вскинулась школьная врачиха, прикрывая пальчиком ячмень под глазом.

Александр огрызнулся:

— А почему на двери вашего кабинета Айболит изображён? Он ведь ветеринар, зверей лечит.

Директриса постучала карандашом по столу:

— Что вы себе позволяете, товарищ комсомолец Созинов!

— Язык твой — враг твой, малыш! — изрёк Куликов. — Молчок — зубы на крючок!

— «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!..» — продекламировал Александр. — Я своё мнение высказываю. А повсюду параграфы, циркуляры, формуляры.

— Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя! — назидательно произнесла строгая и справедливая. — Таков закон диалектического материализма!

— Да, бытие определяет сознание! — вставила своё слово Клавдия Петровна.

— А откуда взялось сознание? — поставил в тупик собрание Созинов.

— Что вы себе позволяете! — вознегодовала директриса и стукнула кулаком по столу. — Перевернули собрание в балаган!..

Родители учинили разборку:

— Опозорил ты нас, Саша! — скрестив руки на груди, горестно вздохнула мать.

— Тоже мне, Павлик Морозов! — усмехнулся отец. — Герой нашего времени!

Он с матерью, обсуждая собрание, уже опрокинули по стопочке. Зачастил последнее время орденосеи со стопариками. Из-за этой вины сник и награду не надевал. Горько шутил:

— Аристократически спиваюсь.

Мать, продавщица ликёро-водочного отдела гастронома, знала много презабавного о пьянчужках.

— Спрашиваю соседа сверху: «Вася, что вы так долго шумели, что у вас было?» — «Деньги!» — отвечает. — «Ты бы деньги лучше на одежду потратил, вон какой обтёрханный!» —

Лыбится: «Здоровье дороже! Вон Петро, дружан мой, здоровье бегом решил укрепить и потратил здоровье на здоровье. Где он теперь? Улетел в иные сферы...»

— Бюджет Вася пополняет государству, — не отпускала экономическая тема Александра. — Вечно нарасшарагу едва ходит. Духманом от него разит, выхлопы наповал. Пьянство — вонь. Пьянство — вон!

— Шибко крут ты, Сашка! — грубовато осадил его отец. И учёно добавил: — Нигилист!.. Помнишь, ты, садишный, поделился, что плохо подумал? Не помнишь, о чём плохо подумал?

Тот задумался:

— Да, вспомни! До сих пор не знаю ответа на тот детский вопрос: почему у дяденек сиськи?

— Да-а!.. Ну ты даёшь!.. — поскрёб затылок отец. — Эволюция...

— Хотел я этот вопрос биологине задать, да постеснялся. Задал другой: почему цыплёнок в яйце не задыхается?

Мать и отец погладили сына по голове словно больного:

— Успокойся! А тебе это надо, сынок?

К удивлению всей школы, примерный ученик, подающий надежды, Александр Созинов не продолжил образование в восьмом классе, а поступил в горно-металлургический техникум на маркшейдера. Мать попричитала, что надо было получить среднее образование и поступить в институт. Отец же довольно похлопал сына по плечу:

— Я горновой, ты горняк. Династия, так сказать!

Ещё в четвёртом классе заядлого книгочеха Сашу Созинова заворожила повесть Арсеньева «Дерсу Узала». Загадочная дальневосточная тайга, исполинские кедры, субтропические джунгли, увитые лианами дикого винограда, лимонника, элеутерококка, тигры, леопарды... Гольд Дерсу разговаривал с тигром-амбой о добром, мирном соседстве...

В этот диковинный край направился молодой горный мастер Александр Созинов. От Урала до Тихого океана на скором поезде «Россия» предстояло ехать пять суток. Попутчицей Александра, плацкартной соседкой оказалась молодая интересная. Славно коро-

тали время, дулись в подкидного, гоняли чай, любезничали. Она ему встретила, он ей попался. Совсем потерял голову, поскольку она не была «привинчена» амурным опытом. Подруга сказала, геологом, ехала к месту работы на байкальской станции Листвянка. Стоянка здесь — одна минута. Он никак не мог расстаться со своей возлюбленной. Поезд устал ждать. Проводница с трудом затащила несчастного влюблённого в вагон. Открыл окно. Байкальский ветер ворвался, птицы задыхались от счастья, распевали голосисто. Фольга зари шелестела в лучах. Сопки вздыхали, укладывались горбато в свои постели... А он не мог уснуть. Казалось, так и доедет в сладостной бессоннице до Владика. Пятый раз вззошло солнце из-за сопки.

Поездам летят навстречу

Океанские туманы.

Два тумана до конечной,

До любви же их немало...

Растревожил песней бард Александра. Приближался Владивосток.

Вокзал-терем, булыжная мостовая... Старина. Геолого-разведочная экспедиция находилась недалеко от вокзала. Первым делом позвонил любимой.

— Что с возу упало, то пропало! — ударила «гантельная» телефонная трубка.

Ошеломлённый, пробормотал:

— С глаз долой — из сердца вон!

Тоска зелёная!.. Напросился нести маркшейдерскую службу в самой глухомани, в дебрях Сихотэ-Алиня.

«Аннушка» летела весело, ухая иногда в воздушные ямы. Замирало сердце, и Александру вспомнился оптимистичный стишок.

По воздушным волнам напрямик

Наша «Аннушка» бодро плывёт.

Нос мой сплюснут, к окошку прилип...

Представляю, как мне повезёт,

Если вдруг полечу с высоты.

Распластаюсь морскою звездой

И на мягкие шлёпнусь кусты.

Или в стог окунусь с головой,

Или, мокрый от зелени трав,

*Я по склону горы кувыркою
Полечу... Без каких-либо травм
Бодро встану и двину пешком!
Или прыгну на плотный туман,
Он подбросит меня, как батут,
И опустит на бархат полян,
Где одни амазонки живут!*

*А внизу расплескалась весна!
А внизу Сихотэ-Алинь...
Вздрыгнув кожей, с воздушного дна
Мне в глаза посмотрел олень.*

В июне 1787 года команды фрегатов «Бусоль» и «Астролябия» под командованием графа Жака Франсуа де Лаперуза высадились на берег уютной бухты в Японском море. Лаперуз назвал её в честь своего наставника адмирала Шарля де Тернея. Позже бухту Терней переименовали, ныне это бухта Русская. Посёлок возник на месте высадки Лаперуза, сохранил название Терней.

Дневниковые записи Лаперуза с картографическими съёмками были доставлены консулом Франции в Петербурге к императорскому двору. Русские морские картографические экспедиции подробно описали побережье Приморья. Арсеньев с отрядом уссурийских казаков в начале двадцатого века провёл несколько изыскательных экспедиций, доказал пригодность этих земель для заселения. Три пушкаря, защищавшие кремль Нижнего Новгорода от кочевников, после участия в Русско-японской войне отважились поселиться на берегу реки Серебрянки, впадающей в Тихий океан. На рыболовных шхунах из Владивостока первопоселенцам доставили домашний скот, утварь, сельхозинвентарь. Они подружились с лесными людьми из рода орочей и основали поселение. Хунхузы разоряли стойбища аборигенов, изуверски истребляли их. Отряд Арсеньева нещадно боролся с бандитами. В этих схватках смекалка «лесного человека» Дерсу Узала не раз выручала казаков. После одного из таких боёв отряд Арсеньева остановился в Тернее. Староста Чжан Бао, китаец, ненавидевший хунхузов, не раз помогал Владимиру Клавдиевичу.

В 1910 году из Никольск-Уссурийского в

Терней начали переселяться купчики, набившие карманы продажей опиума, китайской водки ханшина, пантов, женшеня, пушнины. Такой барыга утешал должника:

— Долг платежом красен. Отдашь не целковыми, а соболями.

Тайга изобиловала пушным зверем, дичью, дикоросами. В устье Серебрянки водились лососёвые, сельдь, треска, форель. Тернейцы занимались охотой, рыбалкой, лесозаготовками. Засевали поля зерновыми, рожью, ячменём. Возделывали огороды.

Эти благодатные места с незапамятных времён привлекали древние племена. Они создали царство Бохай, которое славилось мореходством, вело бойкую торговлю с японскими островами. Недалеко от Тернея сохранились остатки спиралевидной крепости чжурчжэней. Защитники её по спирали спускали каменные снаряды-шары на врагов. Золотую империю чжурчжэней через три века процветания разграбил Чингисхан. Отомстил за своё детство, которое провёл здесь в плену. Потомки чжурчжэней, избежавшие расправы, нашли убежища в отрогах Сихотэ-Алиня, Берегового хребта: гольды, тазы, нанайцы, ульчи, орочи, удэгейцы.

Отметившись в конторе геологической партии, Созинов снарядился в поход. Сложил в рюкзак плащ-палатку для ночёвок, нехитрый провиант, измельчённые корни таволги, спасительные от гнуса. От озера Духовское проделал путь до реки Самарги, удивляясь оставшимся следам древних поселений: наконечники стрел, ножи, костяные гребни; китайские монеты, пришитые к кожаному поясу, — артефакты, ценные для местного краеведческого музея.

У лесной опушки у Самарги полакомился прошлогодними вялеными яблочками, ягодами боярышника, орешками фундука. По склону стал подниматься на гребень сопки. Заросли ивняка обрамляли ручьи, стекающие в реку. Куртинки берёз и осинки перемежались с кленовыми кущами. Дубняк, низкорослый из-за солёных морских ветров, сменился на хвойник из ельника, сосняка, пихтача. Мощный кедрач венчал гребень сопки.

Стемнело. Тревожность зябко пробрала

Александра. Наверняка его тропил тигр. Развёл костёр, порошком из корня таволги посыпал плащ-палатку, опрыскал муравьиной кислотой. Под кедровыми лапами, свисающими шатром, выстлал из травы постель. Закуклился в плащ-палатке и улёгся спать. Долго не мог уснуть, прислушиваясь к потрескиванию костра. Сучья перегорели, сквозь брезент слышались уханье филина, верещанье иволги, дикий хохот и вой тайги. Почувствовал утробное звериное дыхание. Тигр-преследователь у цели! От леденящего ужаса Александр сжался в комок. Недовольное фырканье и удаляющаяся поступь царя зверей. Невыносимые для гнуса запахи не понравились и тигру.

Сморило, страхи улеглись, уснул.

Утренние длинные тени от деревьев расположились на небольшом плато. Среди них Александр различил и свою, необычайно стройную. Усмехнулся: считал себя неказистым. Птицы заливались самозабвенно. Перекрывая их пение, прочитал стишок:

*Всё меньше себя мы надеждами тешим,
Всё меньше зовущих куда-то путей...
Но верим во что-то, глядя на тени,
Стройные тени толстых людей!*

Ковырнул носком кирзача свою тень. Блеснул какой-то камень. Поднял — кусок антрацита со стальным блеском! Подхватил лежавший рядом горбыль и как сохой начал бороздить плато. Пронзительно чёрный уголь серебрился, как драгоценные камни. Маркшейдер попытался шагами измерить небывалое месторождение, но ему не было ни конца ни края! Пнёшь ногой землю — и антрацит высочайшей пробы!

Доложил о своём открытии начальнику геологической партии. Услышал за спиной злопыхательский шепоток:

— Высочка!
— Ну и прыщ!
— Не успел появиться, а уже первооткрыватель!..

Вскрышные работы показали: горный кряж — несметные залежи антрацита с высокой теплоотдачей! Созиновский кряж, полный чёрного золота! Созинова выдвинули на соискание Государственной премии.

Великий дракон летел по небу и обронил золотые чешуйки на побережье Великого океана. И стала та земля его заповедной землёй, подобной райской. Благодатные муссоны ласкали лесистые сопки, увитые лианами винограда. Хрустальные ручьи звенели с горных хребтов в цветущие долины. Панцуй, корень жизни, рдел в тенистом пихтаче. Амба-тигр, царь зверей, трубным гласом возвещал восхождение алой зари. Эхо незримой птицей летело над горными хребтами. Обетованная земля Дракона. Нога человека не ступала в её пределы. Печальная участь ждала тех, кто осмелился назвать её своей. Исчезли с лица земли бохайцы и чжурчжэни. Жители Поднебесной, потомки Великого дракона, даже не смели взглянуть в сторону заповедной земли. Долина смерти, Терней, ждала осквернивших её. Французские фрегаты, побывавшие здесь, погибали. Так сказывал Чжан Бао, которому доверено было свыше защищать землю Дракона от хунхузов.

Созинова защищать от местного Хунхуза было некому. Хозяйчика здешних мест, рыжебородого директора лесхоза Шеменюка, окрестили Хунхузом. Из рода никольск-уссурийских купчиков, он был столь же нахрапист, как и его предки-барыги. «Одалживал» деляны чёрным лесорубам без всяких лицензий, зверовщикам, корневищикам и твердил:

— Долг платежом красен, вернёте должок соболями!

Среди высокопоставленных чинуш его поместье славилось хлебосольством. Купеческие загулы, сауна, ягодные наливки, настойки на женьшене и пантах, лосятина, крабы, лососёвые: нерка, кета, чавыча, кижуч. Заимка — царский терем! Неудержимо влекла столичных любителей царской охоты.

И вдруг царёк услышал, что в его владениях обнаружены залежи антрацита. И какой-то сопляк присвоил себе это открытие. Шеменюк ворвался в контору геологической партии, багровый от ярости, задыхаясь, начал бить себя в грудь:

— Да я!.. Да я!.. Да я давно открыл этот уголь! Только бумаги не оформил. У меня куча свидетелей! Меня на Государственную надо! Я

достойн!.. А ваш ублюдочный выскочка перехватил моё достижение!

Задним числом ему оформили патент, и он подал в суд на вора, который подделал авторские права. Пол-Москвы подкупил Хунхуз соболями, чинодралов-импотентов пантами, женишенем. На суде козырял заслугами в лесной отрасли, сыпал известными именами. Сам Акира Куросава предложил ему стать консультантом фильма «Дерсу Узала», и он подыскивает урочище для съёмок и готов подарить ему женишеневую плантацию.

— Свою личную? — встрепенулся сонный адвокат Созинова.

— Нет-нет!.. — испугался доброхот. — От имени государства.

От имени государства Созинова отправили на зону отбывать срок — полтора года.

Удачно упавшая тень на крыше — и глухая тень колючего забора с «попками» на вышках. Сидельцы внушали: не верь, не бойся, не проси! Богобоязненный старец Кудеяр растолковывал по-своему:

— Верь только Господу. С верой не бойся ничего и проси милости Божией.

Сидел за разбой, впаяли семилетку. Его прочили в авторитеты, а он неожиданно «прекрасился» из чёрного в белого. По внушению Божиему вспомнилась непростая судьба атамана Кудеяра. Сам старец из Кудеяровки Рязанской области. Старые люди сказывали о Кудеяре так: якобы он, Юрий Васильевич, приходился сродным братом Ивану Грозному. Служил опричником, бежал, собрал ватагу разбойников. Они грабили и убивали богатых, награбленное раздавали бедным. Слава о нём летела по всей Руси. Во многих местностях появились свои Кудеяры. В урочищах деревни назывались Кудеяровками. И вот отправился Кудеяр замаливать свои грехи в Соловецкий монастырь. По сю пору сохранилась на его могиле плита с надписью: «Инок Питирим. Бывший Кудеяр. Похоронен здесь».

Щербатый, фиксатый плешивец Кудеяр по фене ботал похлеще мастёвых паханов. Шалыпинским басом содрогал всю зону:

*У разбойника лютото
Совесть Господь пробудил.
Сон отлетел; опротивели
Пьянство, убийство, грабёж.
Странствует, молится, кается...
Сжалился Бог и к спасению
Схимнику путь указал...*

У кромешных отморозков набожный вызывал звериную злобу. Но его не трогали. Он пребывал в необъяснимом коконе безопасности, как некий человек-заповедник. Он не метал бисер перед свиньями. Для душевных бесед допускал к себе измученных смятением. И Созинов внимал его спасительному слову.

— Как трудно быть самим собой. С самим собой так труден бой! — говаривал старец. — Разница между праведником и неправедником в решимости. Среди горбатых стройность — уродство, среди грешных — праведность. Хочешь быть праведником — будь им! Решимость Господь поддержит. Господь знает вчерашнее, доверяй Ему сегодняшнее, и Он управит завтрашним.

Благодаря Кудеяру лагерные тяготы переживались Созиновым как судьба средней тяжести.

Отдушиной была лагерная библиотека. Заведовал ей крупный начальник, сидевший ни за что. На зоне почти все парились ни за что: без вины виноватые, униженные и оскорблённые. Руковод, непотопляемый, неприкасаемый, опрометчиво позволил себе не поделиться доходами с вышестоящим начальством. И залетел! Никак не мог примириться со своим положением, строчил ксивы о снятии судимости, об УДО за примерное поведение, об отмене приговора. Книжное море не остужало его горячее состояние, и он изливал ушаты желчи. Созинов, постоянный читатель, раздражал его.

— Вот ты не пьёшь, не куришь, значит, не следишь за событиями в стране. В Ильича-первого Каплан стрельнула. В Ильича-второго, Брежнева, офицер Ильин стрельнул. А тебе хоть бы хны!.. Вот у нас крупное месторождение угля открыли. Тоже событие! — библиотекарь похлопал по свежей газете «Труд».

Созинов взял её: «За открытие Тернейского угольного месторождения всесоюзного значения звание лауреатов Государственной премии

присвоено...» Список лауреатов, естественно, возглавлял первый секретарь крайкома партии. Далее следовали академики, доктора наук. Замыкал список начальник геологической партии. Страна узнала своих героев. Шеменюк был выброшен за борт этой шаланды.

— Вот видишь, геологи открыли, а столько прилипал! — криво усмехнулся библиотекарь. — Учёные ищут разумные существа на планетах, а есть ли разумные существа на Земле?.. Самая мощная у нас организация — дебилы. У них везде свои люди!

Сокамерники Созинова не скучали: чифирили, резались в карты. Один из них, форточник, просвещённый, разделся, сел на корточки и задумался.

— Ты чо, Муха, гения корчишь? — накинулись на него.

— Во Франции есть похожая скульптура Родена, в которой он изобразил мыслителя.

Публика оживилась:

— А почему он голый?

— В карты продулся.

— Погода шепчет: займи и выпей!

— Один философ так и маялся: пить или не пить?

— Все бросят пить, некоторые успеют и при жизни, — изрёк Созинов.

— Ещё, мля, один философ!

— Всё может быть, всё может стать, телега может поломаться, подруга может изменить, но бросить пить — не может быть!

Муха поднялся, надел трусы, тельник, просветил «темноту»:

— У Пушкина в «Евгении Онегине» помещики «давили мух». Вы думаете, что дворяне пальцами давили насекомых на подоконнике? Это так они пили свои наливки. Рюмочка — шестнадцать граммулек, с муху. А графинчик — шестнадцать рюмашек. Вот и «давили» они этих «мух» на французский манер.

Ему поддакнул анекдотчик:

— Сидит мужик в ресторане и требует: «Официант, мне двадцать граммов водочки!» У того шары на лоб. А мужик настаивает: «Неси, неси!» Тот приносит стопочку с напёрсток. Глотнул мужик и признался: «А дури и своей хватит!»

— Западло! Француз, бляха-муха! — ругнулся другой анекдотчик. — Ну и лоханулись эти

французы! Поставили в Париже нефтяную вышку, а нефти всё нет и нет!

— Зато мы не лоханёмся! — воскликнул Муха.

И сварганил со товарищи бражку, незаметную для надзирателей. Бросили в плафон под потолком щепоть дрожжей, жменью хлеба и залили кипятком. На другой день бражения созрела. Вкусили виноделы нектарный напиток! Духман донёсся до надзирателей и до начальника лагеря. И тогда он решил занять сидельцев футболом.

Вокруг барачков щипал траву козёл Пожарник, чтобы к ним случайно не подобралась палы. Пустырь был небольшой, стали играть в одни ворота. Вратарём назначили для потехи Пожарника. Ему повезло: футболисты мазали, в ворота не попадали, и он скучал без работы.

Созинов на непотребство со скотиной поморщился:

— Сами, как козлы, скачут, непутёвые!

Кудеяр вздохнул:

— Не ведают, что творят. Прости их, Господи, за содеянное!

Будто услышав его слова, смотрящий схватил козла за рога и потащил к Кудеяру. Уркам надоела бестолковая беготня, и на действия главаря они зареготали. Шавки подсустились, сдерживая упирающегося, блеющего Пожарника. Смотрящий с кривой ухмылкой подступил к старцу:

— Перекрасился, запаadlo, в натуре! Вижу, любишь жизнь. А куда деться, скажи? В праведники силишься войти. Я тоже раньше хорошо относился к людям, а теперь взаимно. Ты у меня в голове даже тогда, когда покурить выходишь. А ну-ка давай крести козла!

— Я же не священник, — спокойно ответил Кудеяр.

— Не гони! Ты же у нас старче, отче и вообще святой отец. Крести давай!

— Отпустите животину! — велел Кудеяр.

Наклонился и начал что-то шептать ему на ухо, поглаживая козлиную бороду. Тот недовольно замотал головой и проблеял. Публика сгрудилась вокруг представления. Зеваки вертухаи чуть с вышек не соскочили. Кудеяр потрепал козлиную чёлку, выпрямился:

— Нет, не хочет он креститься!

— Это как это не хочет! — взревела толпа.

— Крещёный, говорит, авторитетом стать не может.

Грянул хохот, закорчились от смеха.

— Рыдательный падёж! — сострил Созинов.

— Не сомневаюсь, ты, Бугор, конечно же имеешь совесть, но с собой не носишь, боишься потерять.

— Не вякай! — вяло отмахнулся тот.

Мстить Кудеяру не стал: настоящий авторитет.

И как вспомнилось изречение о совести учительницы Клавдии Петровны? Сопоставил и отцово: о честных и нечестных с кудеяровским о праведных и неправедных. Случайное ли совпадение? Перед посадкой звонил родителям: всё у него хорошо, отправляется в длительную геологоразведочную экспедицию. А как хотел порадовать стариков своим открытием, лауреатством! А до этого знакомством с хорошей девушкой осчастливить хотел. Как-то всё наперекосяк! Неужто чёрная метка велика из детства? Не дал дружку тогда покататься. Западлю!

Освободились они вместе: Созинов и Кудеяр. В одном из урочищ Сихотэ-Алиня находилась деревенька Кудеяровка. Сам Бог велел Кудеяру отправиться туда. Александр не ринулся к родителям, а решил очиститься от лагерной грязи и пошёл с ним.

Деревушка располагалась по берегам горного ручья в распадке меж сопками Кудеяровой и Рязановой. Рязань-матушка — переселенцы из Рязанской губернии. Кудеяр оказался здесь своим. После мрачного узилища, где нечем дышать, благословенный Сихотэ-Алинь показался раем. Не могли надышаться!..

После работы на лесозаготовках правили ветхую церквушку. Батюшка не мог нарадоваться такими пособниками. На Пасху луковка обновлённой церкви сияла ярче солнца. Созинов звонил в колокол, созывая народ на праздник. Батюшка закончил пасхальную службу возгласом:

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес! — стройно вторили верующие.

В обряде причащения Кудеяр прислуживал в чине алтарника. На паперти держал чашу со святой водой. Батюшка окунал в неё метёлочку

и с радостным возгласом «Христос воскрес!» весело брызгал на верующих, окроплял. Возглавил крестный ход вокруг церкви с Животворящим Крестом. Кудеяр и Созинов несли икону Спасителя. За ними с иконами и хоругвями человек двадцать.

С самого начала крестного хода к нему присоединился невесть откуда взявшийся котёнок. Он чинно следовал рядом с шествующими. Полосатенькая шубка, хвост трубой, смышлёная мордочка. Люди с умилением взирали на него, принимая его соучастие как благословение Божие.

Крестный ход совершил круг, возвратился на паперть. Чудо-котёнок исчез так же внезапно, как и появился. И тут с сопки из зарослей можжевельника стали спускаться небольшие змеи. Толпа верующих застыла от ужаса. Батюшка помолился, блистая золотой ризой, вознёс Животворящий Крест к небу:

— Знамение Божие на Светлую Пасху!

Бесстрашно взял змейку, и она обвила Крест. Ядовитые, страшные крестянки с крестиками на лбу стали неядовиты. Кудеяр подобрал у своих ног пару змеек, и они скользнули по лицу Спасителя. Две другие заползли на Созинова, он не побоялся поместить их на плечи, как эполеты. Верующие крестились, одни шарахались, другие боязливо прикасались к змейкам. Храбрецы мальчишки играли с ними.

Двенадцать, по числу апостолов, змей враз, как по команде, устремились назад, на сопку в свои ущелья.

Диво дивное!.. После этого знамения тигры стали обходить Кудеяровку стороной. Прежде наводили страхи, таскали собак, телят и прочую живность.

Котёнок, змеи повергли Созинова в долгое молитвенное состояние. Пробудился от него, попрощался с Кудеяром, с Кудеяровкой и отбыл на родину.

Явившись перед отцом и матерью, он плакал как блудный сын от пережитого горя и от ниспосланной несказанной радости. Все трое омылись слезами от счастья встречи. Родненькие дождались своего сыночка любимого и отошли ко Господу в единый час, как Пётр и Феврония.

Невзгоды обрушили белый свет, Александр

ослеп. Ему назначили мизерную пенсию. Каждый день он со зрячим посохом приходил на мост через реку, слушал её говор, и обострялось зрение, духовное зрение. Все земные воды, освящённые в Великое Крещение, речные, озёрные, океанские, несли в себе святость и раскрытые тайны. Зарянка, сбегающая с отрогов Каменного Пояса, ещё сберегала первородную чистоту и мудрость веков.

Он часами, днями, годами сидел на мосту и слушал реку. Соученики, сокурсники, соседи перестали его узнавать. Без возраста, некий старче. Он обладал некой силой притяжения. Люди тянулись к нему со своими нуждами, горестями, поговорить, облегчить душу.

Конвоировали по мосту пойманного преступника: грабежи, разбой. И старец сказал зевакам:

— Его должны отпустить.

— Как так?! — вознегодовали.

— Он покается перед Богом и станет праведником, как Кудеяр-разбойник. Только разбойник, распятый, висевший рядом с распятым Христом, признал в Нём Бога. Покаялся, и Господь сказал ему: «Сегодня же будешь со мной в раю!»

Вели конвоиры человека по мосту, добродетельного, честного, справедливого, так много

сделавшего для людей, несправедливо приговорённого к смерти.

— Что ты скажешь, старец? Он же ни в чём не повинен!

— Через день он бы убил свою жену в семейном скандале. А так он не убийца. И Господь возьмёт его к себе.

Блажной стал достопримечательностью. К нему приводили туристов, те спрашивали:

— Как твоё имя?

— Кудеяр, — отвечал.

Отворачивался, смотрел и слушал свою божественную реку.

Владимир Николаевич ВЕЩУНОВ

родился в 1945 году.

Окончил художественное училище и педагогический институт.

Работал дизайнером, воспитателем детского дома,

учителем в рыбацком посёлке Приморья,

редактором Дальневосточного книжного издательства.

Публиковался в литературных журналах.

Автор книг повестей и рассказов.

Член Союза писателей России.

Живёт в Нижнем Новгороде.

